

«Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания 1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты «Советская Сибирь»)

Н. В. Тихомиров

Статья посвящена изучению смотра общественного питания 1930 г. в Сибирском крае СССР по публикациям газеты «Советская Сибирь». Сведения источника позволяют реконструировать жизненный опыт людей, обусловленный их отношениями с учреждениями местного общепита. Познательная ценность источника определяется наличием сообщений непосредственных участников событий, что делает возможным рассмотреть изучаемый предмет на основе первичных свидетельств современников. Выявлены и обобщены проблемы постановки работы столовых и кафе, питания в детских учреждениях и на промышленных предприятиях. Показаны попытки наладить систему рабочего контроля над деятельностью общепита. В исследовании реализованы принципы антропологического подхода. Представленные результаты направлены на расширение поля применения историко-антропологической методологии в изучении структур повседневности и региональной истории. Полученные выводы призваны углубить научные представления о культурной революции в советской провинции, показать качественное своеобразие в осуществлении масштабных социальных проектов советской власти на локальном уровне.

Ключевые слова: история повседневности, микроистория, общественное питание, периодическая печать, региональная история, Сибирь.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. «Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания 1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты «Советская Сибирь») // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 126–143. DOI 10.35231/25422375_2023_2_126

Введение

История страны в первом приближении предстаёт чередой крупных событий и масштабных процессов. Для наблюдателя они часто преломляются в решениях высших государственных учреждений и поступках «заметных» деятелей. Эта заметность, в свою очередь, определяется общенациональным значением личности, как её понимают современники и потомки. В то же время большое число имён и фактов остаются вытесненными на обочину исторической памяти общества. Концептуальные схемы, довлеющие над сознанием человека, помогают объяснить закономерность хода истории, при этом зачастую лишая его глубины. В итоге мы мыслим о прошлом категориями больших циклов и тенденций в масштабах страны, обходя вниманием огромные массивы фактов регионального и местного уровня. Но именно там сосредоточен материал истории – повседневная жизнь людей, образующая ткань исторической действительности. Её факты, как отмечал Ф. Бродель, едва заметные во времени и пространстве [1, с. 39], позволяют исследователю увидеть специфику и самобытность изучаемой эпохи.

Историческое время многомерно и протекает в разных ритмах. Всякий большой процесс при ближайшем рассмотрении представляет собой событийную цепь, а та распадается на конкретные и уникальные факты, обладающие высокой степенью качественной определённости. Через их совокупный анализ возможно с наибольшей полнотой разглядеть и понять своеобразие типовых событий и процессов, глубже осмыслить тенденции на уровне страны или макрорегиона.

Социалистическое строительство 1930-х гг. в СССР потребовало коренной перестройки жизни общества, создания в короткие сроки новых общественных институтов. Одним из начинаний в деле социально-культурного строительства стало развёртывание учреждений общественного питания для обеспечения потребности в пище сотен тысяч трудящихся, направляемых в новые промышленные районы.

Настоящая статья посвящена изучению проблем насаждения культуры общественного питания в Сибирском крае¹ в первые годы ускоренной индустриализации. Целью работы явилось выявление структур повседневности, связанных с деятельностью

¹ 9 августа 1930 г. разделён на Западно-Сибирский (с центром в г. Новосибирске) и Восточно-Сибирский край.

местных учреждений общепита в данный период. Отчётливо и резко проблемы названной отрасли проявились на фоне краевого смотра общественного питания, проводившегося в 1930 г. силами общественных организаций и координировавшегося редакцией газеты «Советская Сибирь» – органа краевого комитета ВКП(б), крайисполкома и Новосибирского горкома. Изучение смотровых мероприятий и выявленных ими фактов составило круг наших исследовательских задач. Основу источниковой базы образовали материалы издания «Советская Сибирь», освещавшего события соответствующего периода. Уникальность газетных материалов как исторического источника обусловлена тем, что представленные в них сведения были получены напрямую от корреспондентов на местах либо отражены в письмах обывателей, массово поступавших в редакцию. Таким образом, анализ газетных публикаций позволяет исследователю познакомиться с первичным, наиболее ранним отражением исторических фактов сознанием современников.

Повседневная жизнь западносибирского региона периода построения социализма привлекала внимание историков как советской, так и нынешней эпохи. Отдельно заслуживают упоминания сочинения С. С. Букина, В. И. Исаева [2; 3] и Н. В. Буши¹, посвящённые быту населения Сибири в 1920–1930-е гг., и работы Е. И. Красильниковой (Косяковой)² и И. А. Вальдман, исследующие особенности обыденной жизни Новосибирска [4]. Более узкие вопросы, касающиеся проблем общественного питания в данный период, нашли отражение также в трудах В. И. Дудукалова [5]. Отметим наличие в советской и современной историографии исследований, посвящённых местным печатным изданиям. Это работы Н. Н. Дмитренко [6] и Л. П. Малаховой³ и др., отразившие становление и развитие газетной периодики Западной Сибири.

Результаты

Положение дел в области краевого общепита к началу 1930 г. было плачевным. На исходе января «Советская Сибирь», отмечая

¹ Буша Н. В. Изменения в быту трудящегося населения городов Сибири накануне и в годы восстановления народного хозяйства (1920–1925): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1986. 234 с.

² Косякова Е. И. Городская повседневность Новоиколаевска-Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 г.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 266 с.

³ Малахова Л. П. Государственная политика в области печатных изданий и ее реализация на территории Западной Сибири в 20–30-е гг. XX в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Омск, 2005. 27 с.

рост внимания граждан к данной сфере, сообщала о ежедневно поступавших статьях, заметках и даже стихах, авторы которых «обрушивались на постановку дела в рабочих столовых» [7, с. 2], жалуясь на грязь, насекомых, плохое отношение сотрудников и т.д. Газета печатала выдержки из писем рабкоров, извещавших о безобразиях на местах. Среди них встречаются такие: «редкость, если в суп не попадает таракан»; «грязь такая, что пройти страшно»; «в супе попался гвоздь»; «лопнули канализационные трубы, и всё их содержимое течёт себе потихоньку в кухню»; столовая «сервируется трофеями империалистической войны – обгрызенными деревянными ложками, выброшенными за ненадобностью из казарм»; «у столовых нет кладовых. В столовых нет ледников. В кухнях такая теснота, что негде повернуться»; «заведующая столовой <...> бухнула в котёл 15 килограмм сметаны: "Нехай будет со сметаной"» [8, с. 2]. В марте из Кузнецкстроя сообщали, что на каменный карьер «вместо супа привозят холодные помои», а рабочие за неимением особого места едят, где попало: на койках или прямо на улице [9, с. 3].

Подобное положение наблюдалось по всей стране и вызвало озабоченность на высшем союзном уровне: весной 1930 г. газета «Правда» выступила с инициативой проведения всесоюзного смотра общественного питания. Возглавить мероприятия на местах поручали региональным общественным организациям, включая редакционные коллективы печатных изданий. «Советская Сибирь» энергично включилась в осуществление кампании, начатой по всей стране 15 марта. В заметке за ту же дату общественное питание было названо «коренным вопросом дня» [10, с. 2]. Назавтра газета писала о намеченном краевом смотре как задаче первостепенного значения. Тогда же в Новосибирске принимали сотрудников «Правды», прибывших из Москвы для помощи в постановке дела [11, с. 4].

Уже вскоре редакция констатировала, что руководство рабочей кооперацией в крае пребывает в крайнем неблагополучии, пораженное «разгильдяйством, растратами, невниманием делу заготовок и общественному питанию» [12, с. 4]. В дальнейшем газета регулярно обращалась к событиям смотра, высвечивая нарушения, выявленные в местах общественного питания. Наибольшие, подчас вопиющие, нестроения обнаруживались в организации работы столовых, обращении с продуктами,

качестве подаваемых блюд. Публикации «Советской Сибири» позволяют подробно рассмотреть отдельные стороны системы местного общепита, сложить картину представлений о повседневном опыте десятков тысяч людей – потребителей услуг столовых Новосибирска и других городов края.

В мартовской заметке «Вредитель у котла» сообщалось, что повар столовой № 6 при посадочной фабрике в выходные дни кормил рабочих пирогами с тухлыми яйцами, подавал суп с тараканами, шерстью и мочалом [13, с. 4]. Некто Козлова жаловалась в газету, что в столовой при новосибирском Дворце труда купила рыбу «под шинелью», которая на поверку оказалась совершенно гнилой [14, с. 4]. Комиссия, посетившая столовую при Сибкомбайне, установила, что подаваемый там суп доливался водой, чтобы на четверть увеличить число порций [15, с. 4]. Посетители столовой на Сибфарфоре бранили меню, указывая, что в супе зачастую нет мяса, отсутствуют жиры и вообще первое есть «невозможно»; на второе бывали котлеты, «которые приходится разглядывать в увеличительное стекло, притом они же сухи, как подмётки». Столы не протирали от грязи на протяжении всего дня [16, с. 4].

В столовой махорочной фабрики Бийска суп варили из протухшего мяса, что делалось по распоряжению заведующего, стремившегося использовать запасы, пока те не испортились окончательно. Работники столовой при другом заводе клали в обеды продуктов «сколько вздумается заведующему», примерно на треть меньше положенного. Мясо хранили на дворе в кадках, закрытых поленьями от животных. Свежий и сгнивший картофель валялись вперемежку [17, с. 4].

В одной из городских столовых ЦРК (центрального рабочего кооператива) крестьянам подали «какую-то грязную бурду» в качестве супа, хотя другие столующиеся получали «более приличную пищу». На вопрос, почему их кормят хуже прочих, заведующий ответил жалобщикам: «Кушайте, что дают. У нас обеды не про вас» [18, с. 4]. Описанный случай показывает, что обслуживание крестьян производилось по остаточному принципу и поручалось организациям в дополнительную нагрузку, ответственно исполнять которую те явно не желали.

Обеды в столовых Бийска, по отзывам, были плохи и дороги. Правила санитарии не соблюдались, хлеб выпекался недоброка-

чественный. 13 мая в редакцию местной газеты «Звезда Алтая» принесли хлеб с запечённой в нём гайкой [17, с. 4]. В столовой № 7 омского ТПО 12 марта подали щи с капустой, «от которой глаза на лоб выворачивало от пересола и кислятины» и сладкий пирог с морковью, на поверку – совершенно сырой. Молоко или чай там обыкновенно подавали в грязных до отвращения стаканах [15, с. 4].

Общим местом отчётов и сообщений, стекавшихся в редакцию, было указание на вопиющую антисанитарию в местах питания и приготовления пищи. В Новосибирске смотровая комиссия столовой № 2 сообщила о необычайной скученности на кухне: «буквально негде повернуться». Положение усугублялось расположенной рядом уборной для сотрудников и посетителей, откуда нечистоты разносили к месту готовки еды. Для хранения продуктов здесь использовался «нелегально сколоченный» амбар во дворе, где навалом лежали все продовольственные запасы столовой [18, с. 4].

Автор статьи «Не столовая, а зараза» живописал обстановку в столовой при заводе «Труд» так: люди ходили на обед из заводского цеха прямо через кухню, отчего та стала «похожей на помойную яму». Здесь же постоянно бегали собаки – «разносчики глистов». Умывальники отсутствовали, люди садились за стол с грязными после работы руками. Котлы на кухне использовались нелуженые, подле них висели вещи работниц и сушилась обувь. «Грязь, зараза, безобразия», – гневно подытоживал автор [19, с. 4].

Незванный корреспондент стенгазеты описывал превратности столовой при кирпичном заводе Сибгоржилстроя. Рабочих и представителей администрации кормили по разным нормативам: для первых варили суп из конины, а для вторых – из баранины. «Обеды с каждым днём становятся всё хуже», – тревожился автор. Так, 13 мая рабочие отказались от получения обедов, поскольку повариха вместо супа разливала в тарелки воду, а вермишель осталась на дне котла. Грязную и тесную столовую рабочие, со слов стенкора, называли рассадником заразы, чему имелись веские причины. Ещё недавно воду для неё брали из творил, в которых месили глину, поэтому в воде часто попадались «волосы и кал». Затем начали возить воду из болота, в которое сливались помои из салотопки коопера-

тива «Жирпром». В ответ на жалобы столующихся администрация, ФЭК и поварахи отвечали криком: «Что дают, то и ешьте». Статью сопровождал комментарий редакции, сообщавший, что указанные в заметке нарушения подтвердились и директор завода привлекается городским санитарным надзором к судебной ответственности [20, с. 4].

Из Барнаула сообщали о тесноте и грязи в столовых и распределительных пунктах, грубости обслуживающего персонала, о том, что пища «приготавливается грязно», а обеды невкусные. В центральной столовой курсанты-колхозники получили суп с обглоданными мясными и урюковыми костями. При шубнопошивочной мастерской посетители были вынуждены кушать из грязной посуды, обнаруживая в супе окурки, тараканов, червей и клопов. А в столовой при заводе по производству пимов трудящимся приходилось принимать пищу стоя по причине тесноты и немытыми руками – отсутствовал умывальник [21, с. 3].

Сигналы о безобразиях приходили из Кузбасса. Рабочие Кузнецкстроя находили в тарелках варёных клопов, тараканов и других насекомых. Имелся случай массового отравления работников пожарной команды 24 апреля. Врачи, прибывшие по вызову, обнаружили у всей группы в 16 чел. признаки «заболевания от недоброкачественной пищи»: понос, рвоту, судороги, падение сердечной деятельности. По городу с описанными признаками было выявлено 50 чел., и все «потерпевшие от обедов» в столовой заболели приблизительно в одно время [22, с. 3].

Об антисанитарии в городских столовых сообщали из Красноярского округа [21, с. 3]. Грязь и теснота царили в точках общественного питания Рубцовска [21, с. 3]. От тараканов и мух страдали заведения Омска [18, с. 4]. Плохие санитарные условия наблюдали в Славгороде [23, с. 3]. В Черепанове заготовленное мясо сваливалось на улице безо всякого укрытия, становясь добычей собак и вороватых крестьян [24, с. 4].

Отдельным предметом критики явилась организация детского питания. 18 мая «Советская Сибирь» писала об обеспечении горячими завтраками окраинной 28-й школы Новосибирска. Большинство из 450 учеников составляли дети бедноты, «не имеющие дома нормального питания». Подаваемые в школе завтраки составляли кусок хлеба, часто ржаного, с чайной ложечкой сахарного песку; «хлеб часто сырой, с отстающей

верхней коркой, с закалом или с обгоревшей нижней коркой с палец толщиной» [25, с. 3].

Скверно было поставлено питание в школах Топкинского железнодорожного узла, где обучались до 1200 детей. На завтрак они получали маленькие бутерброды, состоявшие из тоненького ломтика сыра, положенного на кусок хлеба, и чая. 80% детворы выглядели малокровными и худосочными. Причина коренилась в том, что снабжающая организация поставляла лучшие товары на продажу в станционный буфет, обеспечивая школу по остаточному принципу [25, с. 3]. Коммерческая выгода в сознании снабженцев и руководителей общепита перевешивала социальные обязательства.

Завтраки оставались малодоступными значительному числу школьников по причине малого количества бесплатных и льготных порций, поставляемых учебным заведениям, а также неспособности многих родителей платить за порции в среднем по 9–12 к. Тем же подросткам, кто имел возможность получать питание, нередко приходилось есть в коридорах и классах в виду отсутствия особых помещений [25, с. 3]. Показательно, что сотни рабочих семей не имели возможности обеспечивать своим детям надлежащее питание дома, отчего столь остро стояла проблема еды в образовательных учреждениях.

Создавало трудности отсутствие твёрдых раскладок питания для детских яслей и детдомов. Суточный рацион ребёнка зависел порой от наличия продуктов на рынке и рыночных цен, а также от ассигнования от союзных Наркомздрава и Наркомпроса и местных общественных организаций. Бывали случаи, когда врачу в яслях приходилось бросать работу и отправляться на рынок за продуктами для питания подопечных детей [25, с. 3].

В Славгороде бригада проверяющих выявила негодную работу детских столовых в учреждениях отдела народного образования. В детдомах обнаружили 14 ребят, болевших цингой и не получавших овощей и усиленного питания. В школах, по сути, не выдавали горячих завтраков. То, что окроно и педагоги считали таковыми, представляло собой кипяток, 200 г хлеба и 400 г сахара. Совещание по итогу смотра при окружном торговом отделе постановило ввести с 1 июня на местные средства специальный детский паёк [17, с. 4]. К сожалению, подобные решения в ходе смотра были счастливым исключением,

тогда как множество выявленных неурядиц оставалось лишь предметом нравственного порицания в печати.

Нарекания вызывало снабжение точек общепита продуктами. Комиссия, обследовавшая столовую при заводе «Труд», выяснила, что ЦРК отпускает ей капусту с червями и испорченную сметану, «похожую на извѣстку» [14, с. 4]. Автор материала «Боевые вопросы рабочего снабжения» указывал, что мясо на местах есть, но оно «хищнически разбазаривается», а кооператоры совершенно не считаются с установленными нормами его потребления [26, с. 3].

Попали в поле зрения ревизоров и очереди в столовых. Член смотровой бригады из Канска отмечал, что на обед в городе «надо два часа», которые тратятся в очереди за талоном у кассы, затем в очереди у стола и, наконец, за столом в ожидании подачи [13, с. 4]. То же тревожило жителей Новосибирска. Автор за подписью «Вл. Лесной» иронично советовал: «Утром по дороге на работу лучше не заходи – опоздаешь». То же во время обедов и ужинов: ожидание отнимало у посетителей 1–2 ч [12, с. 4]. Огромные очереди в столовых Кузнецкстроя вынуждали рабочих опаздывать на работу на 20–30 мин [27, с. 3]. В центральной столовой Бийска длинные очереди вырастали у кассы, где буфетчик продавал талоны, пиво и сам раскупоривал бутылки; смена официантов проводилась в разгар обеда, что вызывало получасовые задержки в подаче [16, с. 4]. Наблюдатель из Щегловска описывал обед местных рабочих на основе «разделения труда»: один берёт на пятерых тарелки и приборы; другой в это время получает суп на всех, третий успеваеет «добыть» второе блюдо, а остальные с трудом занимают места за столиками. Участь одиночек была печальна: «устроившись за столиком, вы не сможете отлучиться за вторым, так как рискуете лишиться не только места, но и оставленной ложки и, следовательно, собственного платья, которого вам не вернут, раз вы потеряли "посуду"» [15, с. 4]. Практика удержания верхней одежды была широко распространена, о чём свидетельствует сообщение из Красноярска о посетителе, которому не «выдали обратно платья», так как он забыл вернуть буфету тарелки и приборы [15, с. 4].

Работу столовых подрывали нехватка поварских кадров и их низкая квалификация. Понимание проблемы имелось, види-

мо, в новосибирском горсовете. «Советская Сибирь» печатала размышления руководителя секцией общественного питания о важности подготовки поваров и управленческих кадров. Там же приводились слова заведующей курсами официанток и поваров об отсутствии у курсантов должной производственной практики: в столовых ЦРК они нередко вместо наработки навыков стряпни часами кололи дрова, подносили продукты и мыли котлы [14, с. 4].

Отмечался и положительный опыт устройства мест общепита, однако куда реже встречается упоминаний о нарушениях и бесхозяйственности. Так, чайную на одном из кемеровских рудников шахтёры за царившей в ней образцовый порядок назвали «кусочком социализма» [13, с. 4].

Смотр по краю шёл не гладко. Не везде общественники подошли к делу ответственно. Сообщения о бездействии на местах не сходили со страниц «Советской Сибири». В исходе марта газета тревожилась, что ряд округов намерен «скомкать» смотр питания: в Славгороде, Рубцовске и других местах комиссии долго не приступали к работе. В Красноярске ограничились простым обследованием столовых без попыток «раскачать массы» [23, с. 3]. Омские активисты отделались проведением «ударного трёхдневника» борьбы с насекомыми в столовых [18, с. 4]. Безучастными оставались профсоюзы [28, с. 4]. В Щегловске редакция газеты «Кузбасс» противилась участию в смотре, оправдываясь и без того высокой общественной нагрузкой [21, с. 3]. В исходе апреля «Советская Сибирь» заявила, что сносно кампания проходит только в Новосибирске [26, с. 4]. Слабая вовлечённость в дело организаций разного уровня вынудила организаторов смотра продлить его до конца весны [19, с. 4].

26 мая редакция «Советской Сибири» разослала всем окружным газетам телеграмму об окончании смотра с просьбой дать отчёт о проделанной работе для доклада краевым органам и в Москву [20, с. 4]. В одном Новосибирске работало до 50 смотровых комиссий и порядка 600 активистов. Неудачной кончился смотр в деревенском секторе, где не удалось надлежаще мобилизовать общественность [29, с. 6]. В городах же число выявленных нарушений в деле общепита было громадным. О размахе неблагополучия свидетельствовали жалобные книги, которые в каждой столовой ЦРК составляли 3–4 тома. Записи

в них прежде не имели положительного отклика со стороны руководства заведений [30, с. 4].

Смотр предал огласке многие пороки краевого общепита. Иногда комиссиям удавалось добиться улучшений, что особо заметно в подходе к постановке детского питания [25, с. 3; 29, с. 6]. Однако зачастую изменений не наступало вовсе. «Советская Сибирь» признавала: во время смотра в некоторых столовых Новосибирска наблюдалось улучшение, но едва кампания закончилась, положение резко ухудшилось. Летом в редакцию продолжали массово стекаться жалобы привычного содержания на качество еды и дурные порядки в заведениях. Так, в начале августа в столовой Акорта № 7 подавали на второе две рыбки: «сверху хорошая, а снизу сгнившая». Администрация «нашла» жалобную книгу лишь после угрозы посетителей обратиться в газету. В городских столовых ЦРК продолжали выдавать «скверную кашу, вместо хорошего блюда из свежих овощей». Столовая при одном из заводов часто предлагала обед, состоящий «из тухлой рыбы и мучной жижицы». Работник «Полиграфтреста» в конце июля вопрошал: «Чем оправдать кормление тухлым мясом?» Другим письмом сообщали, что руководители столовых объясняют «общими трудностями» даже протухшее мясо и гнилые овощи [31, с. 4]. Пайщик ЦРК жаловался, что кашу разводят водой и не разбивают комки. В хлебе 3/4 влаги. Рыбу, не очищая от чешуи, заливают соусом, после чего её невозможно ни съесть, ни очистить [33, с. 2].

Поток жалоб не иссякал и в дальнейшем. Осенью писали, что в столовой «Сибполиграфтреста» предлагали суп «чёрный, как дёготь, вонючий и без жиров», недодавали продукты. Заведующий парировал возмущения: «Вам повар Николая II готовил, а вам всё не нравится» [33, с. 3]. Негодование вызывало хамское обращение сотрудников столовых с посетителями. Сообщалось, что в Новосибирске работницы столовой № 7, поссорившись с некими гражданками, три дня не отпускали им обеды и обещали ошпарить кипятком [33, с. 3]. Там же, в столовой № 10 при сельхозинституте, обвешивали курсантов при отпуске хлеба. А в столовой при Алексеевском райколхозсоюзе слушателей хлебозаготовительных курсов «морили голодом и третировали, как уголовников». В буфете станции Черепаново рабочим паровозной бригады не позволяли обе-

дать в станционном помещении, выгоняя со своей посудой на улицу [31, с. 2].

Вместе с тем слабо развивалась краевая сеть столовых, буфетов и кухонь, хотя подчас хозяйственники шли к нужным количественным показателям, пренебрегая вопросами качества. Заведения строили небрежно, халатно. Так, помещение столовой № 6 на Тыргане постоянно заливал дождь, плиты на кухнях быстро приходили в негодность. В столовой одной из штолен, предназначенной обслуживать 500 чел., сложили плиту «размером на 2 семьи», без баков и духовок. Руководители пьянствовали, варили пиво и расхищали продукты [32, с. 2].

Повсеместно сохранялась волокита в обслуживании. В сентябре рабочие омского завода имени Рудзутака полчаса после смены провели в очереди за обедом. При 800–900 едоках было «потеряно около 60 рабочих дней» – подсчитали в газете [34, с. 4]. Давка и длинные очереди на вагоноремонтном предприятии Барнаула вынуждали многих возвращаться к станку голодными [34, с. 4]. На Яшкинском цементном заводе рабочим приходилось ждать обеда по 2 ч, вторых блюд не хватало, очереди загораживали вход [33, с. 3].

После окончания и подведения итогов смотра редакция «Советской Сибири» пыталась придать системный характер борьбе с нестроениями в общественном питании. В газете появилась рубрика «Чёрная сводка нарпита», где освещались провалы и нарушения в работе краевых столовых. Например, 10 октября были коротко перечислены огрехи по разным населённым точкам. В столовой на стройках Тырганы отсутствовал санитарный надзор, наблюдались «грязь, нечистоты, безалаберность»; протекал подвал с овощами. Столовая ЦРК № 14 в Тельбесе нерационально обращалась с отбросами, отправляя их на свалку вместо употребления на прокорм свиней, свиначник же пустовал. На станции Барабинск 29 сентября рабочим подали гнилое мясо, отчего те вынуждены были бросить обед. В столовой ЦРК № 17 Новосибирска в пище обнаружили гниль; продукты шли в готовку немывтыми, обеденное меню не разнообразилось в течение месяца [36, с. 3].

Иные заметки описывают комичные ситуации. Так, в столовой зерносовхоза Прокопьевска заведующий развёл свиней. Во

время обеда те бегали по помещению и тыкали мордами посетителей, выпрашивая хлеб и в случае недовольства поднимая «дикий рёв». Заведение, разумеется, пребывало в антисанитарных условиях. Кроме того, 500 рабочих не раз оставались без обедов вследствие безалаберности сотрудников, не заготовивших вовремя воду, дрова и продукты. Качество блюд оставалось удручающим, рабочие не получали мяса и овощей (при наличии у столовой своего огорода) [35, с. 3].

Несмотря на попытки «Советской Сибири» вовлечь население в работу по контролю над общепитом, гражданские объединения выказывали по этому поводу отчуждённость. «Общественные организации плохо помогают укреплению кадров в столовых», – констатировала газета [32, с. 2]. Совещание, созванное редакцией в октябре по текущим проблемам общепита, было проигнорировано председателями заводууправлений, ФЗК, партийных коллективов, а также отделом народного питания ЦРК и краевым отделом союза работников питания [36, с. 3].

Истоки проблем общепита были разнообразны и восходили не только к бесхозяйственности отдельных заведующих. Ответственность за общепит лежала и на управленцах из ЦРК, нарпита и прочих, не способных подчас обеспечить первичные условия работы своих заведений. Показательны проблемы железнодорожников Барнаула. Столовые транспортного узла были организованы наспех в непригодных помещениях: «то сарай, то заброшенный лабаз, то развалившаяся избушка». Столовая депо занимала два вагона, ещё два были отведены под кухню и кладовую. В таких условиях неизбежно возникали давка и антисанитария: с потолка в пищу капала вода и валилась грязь. Столовая вагоноремонтного предприятия также была обустроена в негодных условиях. Кухня и судомойное помещение занимали наскоро сколоченный лабаз из теса с такими дырами в стенах, что в ненастье помещение продувалось ветром и заливалось дождём, так что уже ранней осенью работницы обливали пол кипятком, чтобы согреться. Материалы для столовой были заранее заготовлены подрядчиком, но ЦРК, зная крайнюю нужду предприятия в помещении для столовой, «куда-то их сплавило». На овощном заводе столовую заменял барак с земляным полом, где люди ели, стоя «в грязи, вони и смраде» [34, с. 4].

Заведения общепита часто страдали от недостатка инвентаря, будучи вынуждены пользоваться посудой «проржавевшей иногда до дыр», не получая от ЦРК замены. В одном случае дошло до того, что сотни рабочих пользовались десятью ложками [34, с. 4]. В столовых Прокопьевска, включая детскую, посуды не только не хватало, но почти вся она была нелуженой, из оцинкованного железа [32, с. 2]. Продукты, в том числе мясо, имелись в достатке, но хранились безо всякого порядка, отчего «даже солёная рыба ухитряется протухнуть». Посетителей удручало убогое меню: «постный суп и каша, постный суп и картошка, постный суп и пареная капуста». Впрочем, язвительно замечал автор заметки, иногда меню «разнообразят кусочком колбасы "с душком" или хвостиком рыбы» [34, с. 4].

28 мая на совещании в редакции «Советской Сибири» инспектор СибРКИ сообщил о нарушениях, выявленных в работе ЦРК, чьи столовые получали необходимые продукты со складов и баз, но расходовали безо всяких нормативов, отчего раньше срока оставались, к примеру, без мяса. Также служащие столовых носили рваные халаты, не имели в достатке ножей и посуды, хотя на складах всё было в наличии [17, с. 4]. 17 октября газета напечатала материал «Что говорят заведующие столовыми», предоставив последним возможность изложить свои соображения о причинах неизжитых ещё безобразий. Сотрудник столовой нарпита № 3 Касевич заявил, что заведения общепита могут «великолепно кормить», если будет устранена бесхозяйственность, порча продуктов, беспорядок в столовых, а работники кооперации оставят бумажную волокиту и возьмутся за оперативное руководство. «Кому доверяют котёл? Первому попавшемуся человеку, такому, который, получив фасоль, спрашивает, что это такое, что же мне с ней делать? Вместо овощехранилища построили дырявый балаган», – перечислил автор больные места отрасли. Заведующий столовой «Труд» Щепин отметил пагубное безразличие директора завода, который не только не заботился об обустройстве столовой и овощехранилища, но и не давал хода начинаниям работников, ссылаясь на отсутствие утверждённых планов и директив. В похожем ключе выступил заведующий столовой бывшего Промбанка: «Как открываем столовую? Хибара тяп-ляп, и готово». Среди причин общего разлада указывалось отсутствие пригодных по-

мещений и потребного технического оснащения, отчего многие столовые стояли совершенно не оборудованными. При наличии муки и овощей отсутствовали условия для выпекания, иногда и продукты поступали такие, «что затрудняют всю работу». Подчёркивалась и разительная слабость поварского состава. Кадровой подготовки нет, – подытоживал автор [36, с. 3].

Соображения ответственных работников подтверждают выводы, сделанные ранее смотровыми комиссиями. Сохранившиеся нарекания указывают на неизжитые проблемы в организации регионального общепита. Помимо человеческого начала, проявлявшегося в косности и безответственности руководителей и низовых работников, источником неурядиц оставались крайне слабая материальная база и кадровый голод, которые не успевала покрыть спешно развёрнутая система профессиональной подготовки. Удалённость от центра и сравнительно слабая экономика региона давали о себе знать. Кроме того, некоторые учреждения народного питания по-прежнему предпочитали наращивание прибыли социальным обязательствам. Газета приводила статистику омского ЦРК, увеличившего за 10 месяцев прибыль на 36 процентов к обороту [36, с. 3].

Обсуждение и выводы

И всё же, несмотря на тяжело шедшее преодоление пороков системы общепита, краевой смотр показал положительные изменения в развитии сознания советских граждан. Сам факт проведения проверочных мероприятий в масштабах Сибирского края силами ряда общественных организаций и с опорой на деятельных обывателей говорит в пользу складывания новых ценностных представлений, которые пестовали руководители культурной революции в СССР. При том, что наличные успехи смотра были подчас весьма скромными и полноценный рабочий контроль над работой столовых и продуктовым снабжением не был налажен, полученный опыт проведения массовой кампании следует считать имеющим значение для дальнейшего осуществления социальной политики в стране и на местах.

В рамках статьи трудно во всей полноте воспроизвести сложную картину повседневной жизни даже в таком, казалось бы, малом сегменте, как общественное питание. Вместе с тем

представленные данные убедительно показывают сложность и многогранность этой частной стороны жизни советского общества, взятой на коротком отрезке исторического времени в антропологическом аспекте. Изучение структур обыденности позволяет получить ценнейший материал о жизни людей в конкретных исторических условиях, рассмотреть в подробностях явления и события, образующие содержание их жизненного опыта и формирующие систему их мировоззрения. Работа со структурами повседневности сообщает представлениям о прошлом предельную глубину, на которой исследователю становятся доступны голоса и помыслы тех, чья жизнь в бесконечной череде поступков и переживаний создавала саму историческую действительность.

Список литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
2. Букин С. С., Исаев В. И. Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008. 270 с.
3. Букин С. С., Исаев В. И. Развитие общественного питания в Сибири в 1920-е – 1950-е гг. // Урал индустриальный: VIII Всероссийская научная конференция. Т. 2. Екатеринбург, 2007. С. 29–31.
4. Красильникова Е. И., Вальдман И. А. История городов Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: историко-краеведческие контексты 1920–1940-х годов // Научный диалог. – 2021. – № 7. – С. 428–448. DOI 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448.
5. Дудукалов В. И. Развитие общественного питания в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1932 гг.) // Из истории социалистического строительства в Сибири. Томск, 1984. – С. 124–138.
6. Дмитриенко Н. Н. Газетный мир Омской области (1871–1996) // Четвертые Макушинские чтения. – Новосибирск, 1991. – С. 116–119.
7. Советская Сибирь. – 1930. – 24 янв.
8. Советская Сибирь. – 1930. – 29 янв.
9. Советская Сибирь. – 1930. – 8 марта.
10. Советская Сибирь. – 1930. – 15 марта.
11. Советская Сибирь. – 1930. – 16 марта.
12. Советская Сибирь. – 1930. – 26 марта.
13. Советская Сибирь. – 1930. – 18 марта.
14. Советская Сибирь. – 1930. – 3 апр.
15. Советская Сибирь. – 1930. – 17 апр.
16. Советская Сибирь. – 1930. – 10 апр.
17. Советская Сибирь. – 1930. – 1 июня.

18. Советская Сибирь. – 1930. – 9 апр.
19. Советская Сибирь. – 1930. – 7 мая.
20. Советская Сибирь. – 1930. – 26 мая.
21. Советская Сибирь. – 1930. – 16 апр.
22. Советская Сибирь. – 1930. – 29 апр.
23. Советская Сибирь. – 1930. – 28 марта.
24. Советская Сибирь. – 1930. – 23 марта.
25. Советская Сибирь. – 1930. – 18 мая.
26. Советская Сибирь. – 1930. – 26 апр.
27. Советская Сибирь. – 1930. – 2 апр.
28. Советская Сибирь. – 1930. – 4 апр.
29. Советская Сибирь. – 1930. – 9 июня.
30. Советская Сибирь. – 1930. – 27 апр.
31. Советская Сибирь. – 1930. – 3 авг.
32. Советская Сибирь. – 1930. – 13 авг.
33. Советская Сибирь. – 1930. – 23 окт.
34. Советская Сибирь. – 1930. – 29 сент.
35. Советская Сибирь. – 1930. – 10 окт.
36. Советская Сибирь. – 1930. – 17 окт.

"The key question of the day": review of public catering in 1930 in Western Siberia (based on the materials of the newspaper "Soviet Siberia")

Nikita V. Tikhomirov

The article is devoted to the study of the 1930 public catering review in the Siberian Region of the USSR based on the publications of the newspaper "Soviet Siberia". The information from the source allows us to reconstruct the life experience of people due to their relationships with local catering establishments. The cognitive value of the source is determined by the presence of messages from direct participants in the events, which makes it possible to consider the subject under study on the basis of primary evidence of contemporaries. The problems of setting up the work of canteens and cafes, catering in children's institutions and industrial enterprises are identified and generalized. Attempts to establish a system of working control over the activities of catering are shown. The research implements the principles of the anthropological approach. The presented results are aimed at expanding the field of application of historical and anthropological methodology in the study of the structures of everyday life and regional history. The findings are intended to deepen scientific understanding of the cultural revolution in the Soviet province, to show the qualitative originality in the implementation of large-scale social projects of the Soviet government at the local level.

Key words: the history of everyday life, microhistory, public catering, periodicals, regional history, Siberia.

For citation: Tikhomirov, N. V. «Korennoj vopros dnja»: smotr obshhestvennogo pitanija 1930 g. v Zapadnoj Sibiri (po materialam gazety «Sovetskaja Sibir») [“The key question of the day”: review of public catering in 1930 in Western Siberia (based on the materials of the newspaper “Soviet Siberia”).] *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 126–143. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_126

References

1. Brodel', F. (1986) *Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. V 3 t. T. 1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries. In 3 vols. Vol. 1: Structures of everyday life: possible and impossible]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
2. Bukin, S. S., Isaev, V. I. (2008) *Novosibircy. Oчерki istorii povsednevnoj zhizni. Konec XIX – nachalo XXI vv.* [Novosibirsk residents. Essays on the history of everyday life. Late XIX – early XXI centuries]. Novosibirsk: Siberia Science Publ. (In Russ.).
3. Bukin, S. S., Isaev, V. I. (2007) *Razvitie obshchestvennogo pitaniya v Sibiri v 1920-e – 1950-e gg.* [The development of public catering in Siberia in the 1920s – 1950s.] / VIII All-Russian Scientific Conference "Ural Industrial". Vol. 2. Yekaterinburg. Pp. 29–31. (In Russ.)
4. Krasilnikova, E. I., Valdman, I. A. (2021) *Istoriya gorodov Sibiri v reprezentacijax zhurnala "Sibirskie ogni": istoriko-kraevedcheskie konteksty` 1920–1940-x godov* [The history of Siberian cities in the representations of the journal "Siberian Lights": historical and local history contexts of the 1920s-1940s] // *Nauchny`j dialog* [Scientific Dialogue]. No. 7. Pp. 428–448. DOI 10.24224/2227–1295–2021–7–428–448.
5. Dudukalov, V. I. (1984) *Razvitie obshchestvennogo pitaniya v Sibiri v gody socialisticheskogo stroitel'stva (1921–1932 gg.)* [Development of public catering in Siberia during the years of Socialist construction (1921–1932)] / From the History of Socialist Construction in Siberia. Tomsk. Pp. 124–138. (In Russ.)
6. Dmitrienko, N. N. (1991) *Gazetnyj mir Omskoj oblasti (1871–1996)* [Newspaper World of Omsk region (1871–1996)]. Fourth Makushin readings. Novosibirsk. Pp. 116–119. (In Russ.).
7. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). January 24.
8. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). January 29.
9. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 8.
10. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 15.
11. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 16.
12. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 26.
13. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 28.
14. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 3.
15. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 17.
16. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 10.
17. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). June 1.
18. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 9.
19. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). May 7.
20. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). May 26.
21. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 16.
22. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 29.
23. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 28.
24. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 23.
25. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). May 18.
26. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 26.
27. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 2.
28. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 4.
29. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). June 9.
30. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 27.
31. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). August 3.
32. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). August 13.
33. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). October 23.
34. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). September 29.
35. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). October 10.
36. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). October 17.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023

Одобрена после рецензирования 6.03.2023

Принята к публикации 18.03.2023